СОНЪ ПАДИШАХА.

Падишахъ одной изъ обширнѣйшихъ странъ востока — Кабула, Герата и Кандагара, къ которому перешли чрезъ руки Надыръ–Шаха сокровища делійскія и котораго подданные со страхомъ и трепетомъ величали всесильнымъ на землѣ, средоточіемъ вселенной, окомъ солнца, опорою луны — падишахъ этотъ скучалъ среди утѣхъ мірскихъ, богатствъ, славы, силы, величія; онъ, въ безчинномъ и неограниченномъ своеволіи, ежедневно вымышлялъ новыя забавы, и, какъ ребенокъ, котораго новая игрушка никогда не занимаетъ долѣе однихъ сутокъ — снова скучалъ и снова томился внутреннею своею пустотою. Но самое это показывало уже, что душа падишаха была создана къ чему ни будь лучшему, что ей предстоялъ еще нравственный переворотъ, котораго, болѣе или менѣе, не избѣгаетъ ни одинъ изъ людей, заслуживающихъ названіе человѣка.

При всемъ томъ, прихотямъ шаха не было конца.

Шахъ видѣлъ однажды сонъ и всталъ угрюмъ и невеселъ. Его мучило что–то, и онъ за неудовольствіе противу себя–самого, жаждалъ отмстить первому встрѣчному, правому или виноватому. «Послать бирюча» сказалъ онъ, «да кликнуть кличъ по базарамъ, чтобы выискался снотолкователь и отгадалъ сонъ мой; иначе все выжгу и вырѣжу!»

Толпа встревожилась: всякая угроза шаха исполнялась также легко и скоро, какъ имъ произносилась, и шутить крутыми бровями шаха было нечего. Въ это время безчинства и беззаконій, когда шахи Авганистана выжигали глаза другъ–другу, братъ брату и племянникъ дядѣ, все было возможно и вѣроятно. Народъ, по совѣту и наущенію подлеца, котораго величали мудрецомъ, вломился въ домъ какого–то зажиточнаго суннита: бѣднякъ вздумалъ было схорониться, но онъ былъ выданъ ненавидѣвшею его женою. И не мудрено: она была увезена изъ сосѣдняго съ

авганцами Кафе́ристана, гдѣ обитаютъ потомки греческихъ воиновъ Александра Македонскаго: народъ бѣлый, чистый, видный, а женщины такъ прелестны, какъ древнія гречанки у славнѣйшихъ имъ современныхъ художниковъ. Похищенная кафырка готова была мстить ножемъ и ядомъ, и съ наслажденіемъ указала сыщикамъ шаха, гдѣ скрывался ненавистный ей мужъ. «Ты отгадчикъ сновъ», кричали бѣдному купцу сто голосовъ, хотя вѣроятно и сами знали несправедливость словъ этихъ; «ты отгадчикъ», и поволокли несчастнаго къ шаху. Владѣлецъ, отправившійся въ это время лично въ тюремный замокъ кабульскій, извѣстный подъ именемъ «Балаи–Хиссаръ», чтобъ тамъ велѣть казнить при себѣ государственнаго преступника, котораго вина состояла въ томъ, что онъ былъ шахъ–заде, т. е. изъ дому и родни шаха. – Владѣлецъ увидѣлъ толпу эту съ высоты замка, велѣлъ опросить народъ, привести снотолкователя и объявилъ ему, что если завтра объ эту

пору скажетъ онъ шаху, что этотъ видѣлъ прошедшею ночью во снѣ, то получитъ сто золотыхъ; если–же нѣтъ, то его ожидаетъ участь таже, что и бѣднаго шахъ–заде, который былъ обезглавленъ по произнесенiи шахомъ послѣднихъ словъ.

Испуганный купецъ не могъ произнести ни слова: онъ очутился среди улицы, самъ не зная какъ; — бѣжалъ, не оглядываясь, и опомнился далеко за городомъ, въ глуши огромнаго, вѣковаго лѣса. Здѣсь предсталъ вѣрному сунниту духъ, пери, въ видѣ полосатой, золотой и серебряной кошки съ гривою и спросилъ: «Отдашь–ли мнѣ то, что получишь въ награду отъ шаха, коли разгадаешь сонъ его!» — Отдамъ, — отвѣчалъ купецъ и палъ ницъ передъ духомъ. Пери сказала: «Поди–же къ шаху и скажи ему, что онъ видѣлъ во снѣ волка.» Купецъ сдѣлалъ, что ему было приказано, получилъ отъ шаха кошель золота, воротился домой и началъ жить, да поживать, не заботясь о благодѣтельной пери.

Не протекло трехъ лунъ мусульманскихъ, какъ шаху снова захотѣлось испытать бѣднаго купца, котораго хитрая и злая жена приголубила уже съ тѣхъ поръ, какъ онъ воротился съ большими деньгами и милостію шаха. Купца позвали: шахъ велѣлъ ему объявить снова то–же, что намедни, и отпустить, давъ ему сутки сроку. Отгадчикъ былъ въ отчаяніи: духа–пери онъ обманулъ, не смѣлъ къ нему и приступиться, а деньги жена промотала на парчи, на шелковыя ткани, на башмачки, которыми — увы! — даже и пощеголять и показаться было негдѣ — развѣ только передъ двумя соперницами своими, да передъ невольницами; другихъ людей она не видала, другіе люди не видали и ее. Наконецъ бѣднякъ рѣшился: побрелъ въ тотъ–же лѣсъ, отыскалъ ту–же златорунную пери, и павъ ницъ, сказалъ: «О пери: шахъ хочетъ казнить меня задаромъ, невиноватаго ни въ чемъ: я пришелъ къ тебѣ съ повинною; казни–же ты меня за вину мою: противу тебя я виноватъ!» Пери отвѣчала: — ты не хорошо

сдѣлалъ, что обманулъ меня. Поди и скажи шаху, что онъ видѣлъ во снѣ лису, но принеси мнѣ на этотъ разъ, что пожалуетъ тебѣ шахъ: шубка моя износилась, и мнѣ надобно ее починить и обновить. — Купецъ пошелъ, сдѣлалъ, что пери велѣла, и получилъ такой–же кошель золота. Но и теперь неблагодарный не поступилъ лучше прежняго. Онъ только придумалъ небольшую уловку и хитрость для очистки совѣсти своей «я на этотъ разъ не посулилъ духу ничего: онъ самъ потребовалъ отъ меня платы; это, при крайности моего положенія, насиліе! Я не далъ слова и на этотъ разъ не обязанъ исполнить требованія пери!»

Но вотъ — еще мѣсяцъ, другой, — любостяжательный снотолкователь нашъ опять уже мутными очами глядитъ на узенькія окна Балаи–Хиссара, мимо котораго его ведутъ, и шаткими шагами вступаетъ на крыльцо страшнаго во гнѣвѣ своемъ шаха. Онъ, нашъ сноотгадчикъ поневолѣ, получаетъ въ третій разъ то–же

приказаніе, съ тѣми же угрозами и обѣщаніями.

«Пери, пери!» воскликнулъ отчаянный и истинно раскаявшійся грѣшникъ «пери! я недостоинъ твоихъ милостей! Расточай благодѣянія свои на достойныхъ, а мнѣ дай умереть своею смертью! смерть отъ ножа и веревки страшна!»

— Поди, — отвѣчала кроткая пери; — и скажи шаху, что онъ видѣлъ во снѣ овцу, и прибавь къ этому смѣло, что онъ, на этотъ разъ, шалитъ и шутитъ, и не казнилъ–бы тебя, если бы ты даже не разсказалъ ему сна. — Затѣмъ пери исчезла, и на этотъ разъ не потребовала даже отъ купца платы, можетъ быть съ тѣмъ, чтобы уже лучше и не искушать слабаго смертнаго, который разстается добровольно съ земными сокровищами своими тогда только, когда умоляютъ его объ этомъ, закинувъ петлю на шею.

Шахъ разсмѣялся и одарилъ сноотгадчика богаче прежняго. Удивленный и обрадованный до изступленія купецъ побѣжалъ прямо со двора шаха въ

завѣтный боръ, отыскалъ ласковую, благодѣтельную пери и высыпалъ передъ нею несмѣтныя богатства. «Вотъ, благодѣтельница моя, все что у меня теперь есть: злая, мстительная, но все таки прекрасная жена моя, кафырка, которую купилъ я дорогою цѣною, растратила все золото, которымъ одарилъ меня шахъ два раза; но вотъ въ третій одарилъ онъ меня щедрѣе прежняго, и я, не давъ остыть первому чувству благодарности, поспѣшилъ, мимо дверей дома моего, прямо къ тебѣ. Но отчего это, скажи, отчего я два раза обманулъ благодѣтельницу, которая спасла мнѣ дважды жизнь, и сдѣлался подлецомъ, тогда какъ никогда не хотѣлъ этого, никогда умышленно не творилъ зла?»

— Я растолкую тебѣ и эту загадку, — отвѣчала златая пери: — когда ты приходилъ ко мнѣ въ первый разъ, шахъ вашъ былъ волкомъ, душа у него была волчья, онъ во снѣ видѣлъ волка, и всѣ вы были похожи на него: всѣ вы были волки. Въ другой разъ нравъ шаха смягчился, но и раскаяніе и упованіе его не было чисто и

непорочно: онъ хитрилъ; видѣлъ во снѣ и наяву подобіе свое, лису, и всѣ вы, подданные его, были лисами. Теперь онъ не тотъ человѣкъ; онъ смирился, покаялся, желаетъ блага и добра, и дѣлаетъ его; онъ видѣлъ во снѣ овцу, и всѣ вы стали по немъ, кротки и благочестивы. Какова голова, таковы и ноги; каковъ отецъ, таковы и дѣти.